ИЗ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ МЕДИЕВИСТИКИ

Е. В. Гутнова, Б. Г. Могильницкий,
Л. Т. Мильская, Н. И. Смоленский

ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ АКАДЕМИКА АПН А. И. ДАНИЛОВА (1916—1980)

Более 30 лет Александр Иванович Данилов занимал видное место в советской исторической науке [1]. Он обладал своим, одному ему присущим научным стилем, работал в разнообразных сферах исторического исследования и образования, сочетая в себе талант ученого и организатора науки и просвещения [2].

В становлении исследовательского метода А. И. Данилова большую роль сыграла работа над проблемами истории раннего средневековья.

А. И. Данилов вошел в науку как медиевист; специальной областью его исследований была социально-экономическая и со-

[1] Памяти А. И. Данилова 11 мая 1981 г. было посвящено совместное заседание кафедры истории средних веков исторического факультета МГУ и сектора истории средних веков ИВИ АН СССР, открытое деканом факультета Ю. С. Кукушкиным; программа заседания: З. В. Удальцова «Воспоминания о совместной работе с А. И. Даниловым», А. Н. Чистозвонов «А. И. Данилов — ученый, коммунист, гражданин», зам. министра просвещения РСФСР Д. М. Забродин «А. И. Данилов — организатор народного просвещения», Е. В. Гутнова «Проблемы историографии в творчестве А. И. Данилова», В. В. Иванов «А. И. Данилов и проблемы исторического образования», Н. И. Смоленский «Теоретические и методологические работы А. И. Данилова», Л. Т. Мильская «Проблемы истории раннего средневековья и становление исследовательского метода А. И. Данилова», Н. А. Хачатурян «А. И. Данилов как руководитель кафедры истории средних веков исторического факультета МГУ»; было прочитано также письмо В. И. Рутенбурга с характеристикой значения научного вклада А. И. Данилова и основных черт его личности.

3 апреля 1981 г. состоялось заседание кафедр истории средних веков и древнего мира и студенческого кружка исторического факультета Томского университета, на котором выступили с докладами и воспоминаниями Б. Г. Могильницкий (председатель), И. М. Разгон, Н. Н. Киселев, А. А. Говорков и С. С. Лукичев.

В основу настоящей статьи положены выступления Е. В. Гутновой, Н. И. Смоленского, Л. Т. Мильской и Б. Г. Могильницкого на указанных траурных заседаниях в Москве и Томске.

[2] Авторы не ставили своей целью давать подробные биографические сведения об А. И. Данилове, так как основные вехи его жизненного пути с достаточной полнотой очерчены на страницах сборника. См.: СВ, 1981, вып. 44, с. 406—409.

циально-политическая история раннего средневековья (эпоха Каролингов и Германия X—XIII вв.).

И во многих трудах буржуазных немецких медиевистов проблемы становления государственной власти, форм и условий ее существования и деятельности были тесно связаны с аграрной историей, с той или иной трактовкой происхождения и структуры феодальной вотчины, некоторыми аспектами истории крестьянства. Советские медиевисты углубили эту связь, направив ее в русло учения о социально-экономических формациях. Эти проблемы и занимали А. И. Данилова, в процессе их разработки складывались его интересы, вырабатывались методы исследования.

Еще находясь на военной службе после окончания войны, он писал своему научному руководителю А. И. Неусыхину: «Истекшие месяцы после приезда в Одессу я потратил, поскольку позволяют условия военной службы, на реставрацию знаний по специальности, перечитав вновь ряд разделов работ... Гирша ... Допша... Вайца ... Каро... Штенгеля, а также познакомился с ранее мне непосредственно неизвестными Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung, в которых прочел ряд статей по иммунитету и фогтству. Кроме того, проработал грамоты, касающиеся фогтства в Прирейнской Вестфалии п. пол. XIII века... Еженедельно на свои занятия удается вырезать от 20 до 40 часов...

Своей задачей я ставлю изучение социальных функций иммунитета и фогтства, в том числе с точки зрения:

а) проблемы качественного своеобразия феодального государства;

б) вопроса о фогтстве как составной части проблемы распределения феодальной ренты; именно так мне кажется возможным рассматривать борьбу между церковными учреждениями и их фогтами.

В дальнейшем, по-видимому, придется ограничить себя и территориально, и хронологически, но сейчас этого делать не хочу, чтобы увидеть предмет в целом» [3].

А. И. Данилов еще не раз повторит эти слова — «увидеть предмет в целом». Стремление не ограничивать себя сразу же, в начале пути, только теми вопросами и материалами, которые непосредственно нужны для написания работы, потребность вы-

[3] Письмо А. И. Данилова к А. И. Неусыхину от 20.II 1946 (в письме ошибочно указан 1945 г., дата установлена по почтовому штемпелю). А. И. Данилов навсегда сохранил тесные связи со своим учителем; живя в Томске и Казани, он неизменно поддерживал с ним переписку, начатую в военные годы. В архиве А. И. Неусыхина хранится 48 писем А. И. Данилова и 28 писем его матери, А. А. Даниловой. А. И. Данилов знал, что А. И. Неусыхин берег письма всех своих корреспондентов, и, отвечая на вопрос М. Н. Неусыхиной, как поступить с его письмами, просил не возвращать ему, а оставить их в составе архива А. И. Неусыхина.

работать достаточно широкий взгляд на исторические процессы и институты, избранные для исследования, в поисках научной истины не опасаться сделать лишний шаг в сторону — все это черты, присущие в сочетании с редкой целеустремленностью и работоспособностью А. И. Данилову и впоследствии.

Неудивительно, что после демобилизации и восстановления в аспирантуре МГУ А. И. Данилов очень быстро написал кандидатскую диссертацию, высоко оцененную оппонентами, и защитил ее 4 июня 1947 г.

В советской исторической науке вопросы природы политической власти в Германии разрабатывались в опубликованных незадолго до завершения диссертации А. И. Данилова, носившей название «Основные черты иммунитета и фогтства на церковных землях в Германии X—XII вв.», статьях А. И. Неусыхина и В. Д. Вейса [4]; проблемам иммунитета, но для более раннего периода, были посвящены статьи Д. С. Граменицкого и Н. С. Михаловской [5]. А. И. Данилов подошел к этим вопросам в несколько ином аспекте. Позднее, в очерке «Аграрная история западноевропейского средневековья в трудах советских медиевистов» (1960) [6], весьма скупо характеризуя свою работу наряду с трудами других авторов, он отметит, что такие институты, как иммунитет, округа банна, фогтство, вотчинная власть, изучались им прежде всего с точки зрения «раскрытия характера феодальной собственности на землю, внутреннего единства этой собственности с политической властью в Германии X—XII вв.» [7]. Изменения в организации политической власти в эту эпоху он связывает с эволюцией феодальной собственности и феодальной ренты.

Эти проблемы и исследовались в диссертации и в подготовленной на ее основе большой статье «К вопросу эволюции фогтства как одной из форм права феодальной собственности» (1948); в статью вошло $^2/_3$ диссертации, имевшей объем около 11 авторских листов — фактически это небольшая монография. В процессе разработки этой весьма сложной и совсем не узкоспециальной, а принципиально важной с конкретно-исторической и теоретической точки зрения проблемы А. И. Данилов вырабатывал методику обработки источников раннефеодального периода, скупых, лаконичных, часто отрывочных, по многим важным вопро-

[4] *Неусыхин А. И.* Исторический миф третьей империи.— Учен. зап. МГУ, 1945, № 81; *Вейс В. Д.* К вопросу о природе фогтства в Германии X—XII вв.— Исторические записки, 1946, т. 19.

[5] *Граменицкий Д. С.* К вопросу о происхождении и содержании франкского иммунитета.— СВ, 1946, вып. 2; *Михаловская Н. С.* Каролингский иммунитет.— Там же.

[6] Здесь и далее указаны лишь заголовки работ А. И. Данилова — полное библиографическое описание см. в завершающем статью списке его трудов.

[7] СВ, 1960, вып. 17, с. 329.

сам содержащих сплошь и рядом лишь косвенные сведения; требующих от исследователя научиться искусству спрашивать, систематизировать, обобщать индивидуальные, специфические черточки и мелкие на первый взгляд детали, улавливать в общих стандартных формулах, отливавшихся десятилетиями и веками и, казалось, застывших, движение новых процессов, вскрывать под этими формулами классовые своекорыстные интересы, проявляющиеся в весьма сложных переплетениях, к которым относится и борьба разных слоев господствующего класса между собой...

В процессе работы над диссертацией, в стремлении критически оценить и сопоставить различные, иногда взаимно исключающие друг друга точки зрения и концепции буржуазных историков выработался и интерес А. И. Данилова к проблемам историографии, которую он тесно связывал с теорией исторического познания, и его постоянное отвращение к «историографическому нигилизму», о котором он не раз высказывался и устно, и письменно. Кроме работы о фогтстве к жанру конкретно-исторических исследований относится его статья «Немецкая деревня второй половины VIII — начала IX в. в бассейне нижнего течения Неккара» (1956). В остальном же, рассматривая его творчество в сфере проблем истории раннего средневековья, строго разграничить историографические и конкретно-исторические работы — задача почти невыполнимая, настолько тесно сплавлены обе эти стороны в его трудах. Это особенно сказалось в статьях, непосредственно предшествовавших публикации его монографии «Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии конца XIX—начала XX века» (1958): «„Капитулярий о поместьях“ Карла Великого и его интерпретация в исторической литературе» (1953), «К критике допшианской концепции раннесредневековой вотчины» (1957). Сам А. И. Данилов связывал эти работы с задуманной им историографической монографией и рассматривал их как ее подготовку и обоснование [8].

Таковы же и две его рецензии на труды по истории раннесредневекового крестьянства [9], написанные на основании собственной исследовательской работы над источниками, которыми оперировали рецензируемые авторы, что дало рецензенту возможность оценить общее значение этих трудов и по ряду вопросов противопоставить им свои собственные взгляды. Грань между исследовательской статьей обобщающего характера и рецензией провести здесь очень трудно.

Советуясь с А. И. Неусыхиным о направлении дальнейшей работы, А. И. Данилов пишет ему, как постепенно складывается задуманный труд. Широта его подхода и многосторонность поис-

[8] Проблемы аграрной истории..., с. 17, примеч. 23.
[9] См. рецензии на книги А. И. Неусыхина (СВ, 1957, вып. 10) и Л. Т. Мильской (СВ, 1958, вып. 12).

ков ярко очерчены в одном из этих писем: «По возвращении в Томск на меня свалилось множество всяких дел, из которых я никак не выберусь. Тем не менее продолжаю понемногу работать. Бруннера почти закончил и скоро его вышлю. Сейчас забрал домой все «Geschichte» Маурера и работаю над ними. Пока впечатление такое: большой и трудный ученый, его взгляды вошли составной частью в самые различные направления историографии последующих десятилетий; одни позднейшие ученые брали одно, другие — другое, но Маурер — самая крупная фигура в немецкой историографии XIX века и не может идти в сравнение ни с Инамой, ни с Бруннером, ни с другими; сложным представляется и вопрос об отношении к нему Маркса и Энгельса; ряд слабостей и реакционных черт его концепции, в т. ч. реакционных политических выводов, им были, конечно, хорошо известны. Однако Маркс и Энгельс, как правило, обращали внимание не на эту сторону дела, когда говорили о Маурере. Все упирается в решение более общей проблемы — относительной самостоятельности исторической науки. Что касается взглядов Маурера на марку и свободное крестьянство в средние века, то, по-видимому, в них особенно много преувеличений, которые и сохраняют позднее...» [10].

Возвратившись в Москву в 1954 г. в качестве докторанта, А. И. Данилов, однако, не форсировал свои историографические штудии, а занялся исследованием источников по аграрной истории, результатом которого и была статья «Немецкая деревня...». В процессе подготовки этой статьи он пишет: «Вторую главу все еще не начал писать, вместо этого готовлю статью о деревне бассейна нижнего течения Неккара во второй половине VIII в. (по лоршским грамотам)... Представляется, что делаю нелишнюю работу, которая в какой-то степени дает некоторый фундамент при анализе чисто историографическом...» [11]. Эта статья важна не только стройно изложенными взглядами автора на особенности аграрного развития каролингской Германии, интересным и основательным анализом источников, множеством конкретно-исторических наблюдений, постановкой ряда проблем.

В ней А. И. Данилов формулирует один из важных своих выводов: «Методика исторических исследований существует в органическом единстве с той исторической концепцией, которой руководствуется историк...» [12]; общий характер того или иного историографического направления в области аграрной истории раннего средневековья связан с приемами использования данных дарственных грамот, собранных в картуляриях. Это побудило его заняться самими этими источниками. Такая работа как будто уво-

[10] Письмо от 2.XII 1952 г.
[11] Письмо А. И. Неусыхину от 28.VI 1955 г.
[12] СВ, 1956, вып. 8, с. 99.

дила автора в сторону, ибо требовала весьма кропотливой и трудоемкой работы, причем черновые стадии ее не могли быть перепоручены ученикам или ассистентам, но, пожалуй, именно она в большой степени дала А. И. Данилову свободу владения материалом и глубину понимания концепций исследуемых историков — качества, сделавшие его историографическое исследование новым по своей методике и обоснованности выводов и позволившие ему поднять советскую историографическую науку на качественно новый, более высокий уровень.

Историографический анализ и исследование целой группы источников: нескольких картуляриев, капитуляриев, формул, варварских правд и т. п.— органично объединены в статье, посвященной глубокому разбору и критике допшианской концепции раннесредневековой вотчины. А. И. Данилов подчеркнул в этой статье необходимость комплексного изучения источников эпохи раннего средневековья: «В частности,— пишет он,— совершенно не оправдано абсолютное противопоставление одних источников другим: картулярного материала капитуляриям. На деле эти источники не исключают, а взаимно дополняют друг друга» [13].

Позднее, подчеркивая, что перед советскими медиевистами стоит задача постоянного совершенствования целостной концепции истории средневековой Европы, рассматривая средневековую историю как средство формирования исторического мышления, А. И. Данилов вновь возвращался к мысли, что методика исследования не может быть нейтральной по отношению к методологии ученого, что метод изучения должен быть адекватен его объекту, что без детерминированности методики изучения ее объектом... нет последовательного историзма [14].

Характеризуя в 1969 г. творческий путь своего учителя в небольшой по объему, но чрезвычайно богатой мыслями и отточенными характеристиками статье, А. И. Данилов писал, что А. И. Неусыхин принадлежал к тем историкам, для которых «без теории нет истории, а теории — без истории» [15]. Эти слова можно отнести и к нему самому. Его штудии проблем истории раннего средневековья заложили фундамент его историографических, теоретических работ; интерес к проблемам раннесредневековой истории он сохранял до последних дней жизни; он постоянно следил за новой литературой в области истории раннего средневековья, причем касающейся не только общих проблем, но и самых специальных вопросов, несмотря на всю свою огромную занятость. Корни его исторического мышления лежали именно в этой области исторической науки [16].

[13] СВ. 1957, вып. 9, с. 15.
[14] СВ. 1969, вып. 32, с. 5, 10—11.
[15] Там же, с. 7.
[16] Заметим, что перу А. И. Данилова (в соавт. с Б. Г. Могильницким) при-

Однако особое и, пожалуй, наиболее важное место в научном творчестве А. И. Данилова составляют его многочисленные историографические работы. Интерес к исследованиям в этой области, возникший у него еще в начале 50-х годов, навсегда остался главным средоточием его творческой работы. Его последняя статья «Проблема континуитета в историографии ФРГ», опубликованная посмертно, посвящена историографии. Разработка историографических проблем всегда тесно переплеталась у него с вопросами методологии истории, которая тоже составляла весьма важный элемент его научного творчества.

Чтобы по достоинству оценить вклад, внесенный Александром Ивановичем в развитие марксистской историографической науки, нужно вспомнить, в каком состоянии она находилась в те годы, когда молодой ученый вступал в нее. Серьезное изучение этой отрасли исторической науки делало в это время свои первые шаги, методологические принципы научного подхода к ней только разрабатывались. Курс лекций Е. А. Косминского, в котором были впервые сформулированы некоторые из этих принципов, тогда еще не был опубликован. Первый том «Очерков истории исторической науки в СССР», во введении к которому были очерчены главные линии марксистских историографических исследований, только еще готовился к печати; не был опубликован и двухтомник по истории немецкой исторической науки, написанный историками ГДР [17]. В советской исторической литературе 40 — начала 50-х годов широко был распространен односторонний, поверхностный подход к историографической тематике: борьба с буржуазной историографией прошлого и настоящего мыслилась часто лишь как ее огульное и бездоказательное отрицание. Главным критерием в оценке научного творчества того или иного буржуазного историка и его места в исторической науке считалась его политическая идеология, история исторической науки сводилась зачастую к истории политических идей. Такой односторонний подход часто приводил к тому, что критика даже серьезных буржуазных ученых велась без опровержения их выводов по существу, а поэтому носила подчас неглубокий, декларативный характер, не раскрывала их действительной методологической несостоятельности, что в конечном счете вредило и самой борьбе марксистской исторической науки с буржуазной.

В статьях 50-х годов, посвященных критическому анализу творчества отдельных крупнейших немецких буржуазных историков конца XIX — начала XX в., А. И. Данилову удалось ска-

надлежат главы «Германия в X—XI вв.» и «Германия в XII—XIII вв.» в двух изданиях университетского учебника «История средних веков» (М.: Высшая школа, 1966; 2-е переработ. изд.: 1977), одним из редакторов которого он был.

[17] Studien über die deutsche Geschichtswissenschaft / Hrsg. von J. Streisand. B., 1960, 1965. Bd. 1, 2.

зать новое слово в советской историографической науке. В них он дал убедительные образцы правильного сочетания острого партийно-классового подхода к творчеству буржуазных немецких историков с глубоко аргументированной критикой их концепций и научных положений и со стремлением вычленить то ценное, что содержали в себе критикуемые работы.

Уже эти первые работы А. И. Данилова отмечала широта постановки вопроса, выражавшаяся в стремлении связать анализируемые конкретно-исторические взгляды буржуазных ученых с характеристикой общей историографической ситуации, обусловливавшей эти взгляды, что предполагало особую направленность на выявление идейно-теоретических основ изучаемых концепций.

Этот цикл работ открывала большая статья, посвященная одному из важнейших источников по аграрной истории раннего средневековья — «„Капитулярий о поместьях" Карла Великого и его интерпретация в исторической литературе». Генетически она была связана с предшествовавшими конкретно-историческими исследованиями ученого и свидетельствовала о дальнейшем росте его мастерства в области источниковедческого анализа, и в то же время в ней явственно выступают черты позднейшего Данилова — историографа и методолога, интересующегося общими закономерностями развития исторической мысли.

Показательна в этом отношении сама композиция статьи. Буржуазные интерпретации «Капитулярия о поместьях» рассматриваются в ней в широком контексте эволюции идейно-теоретических основ буржуазной медиевистики второй половины XIX — начала XX в. Автор стремится обнажить социальный смысл этих интерпретаций, показать их место в современной им идейной борьбе. Так, он указывает на связь истолкования «Капитулярия...» представителями вотчинной теории с идеализацией ими средневековой вотчины и в конечном итоге с социально-политическими устремлениями немецкого юнкерства второй половины XIX в. Заслуживает быть отмеченным самый уровень критики. В первую очередь она была направлена на то, чтобы показать теоретическую несостоятельность концептуальных построений сторонников вотчинной теории по таким ключевым вопросам, как экономическая природа феодальной вотчины и социальная политика Каролингов,— именно с этих позиций рассматривалась их трактовка «Капитулярия о поместьях».

Но главный смысловой акцент в статье падал на критику допшианского толкования этого памятника, что и определяло прежде всего актуальность статьи. К началу 50-х годов допшианская концепция генезиса феодализма продолжала сохранять доминирующее значение в буржуазной историографии вопроса. Ее ярко выраженная идейно-социальная направленность обусловливала необходимость аргументированной критики основных положений допшианства.

В советской исторической науке к тому времени уже имелась традиция критики допшианских идей, представленная, в частности, такими именами, как Н. П. Грацианский и Л. В. Черепнин[18]. Однако эта критика преимущественно ограничивалась выявлением несостоятельности источниковедческих приемов А. Допша, оставляя в стороне общую идейную направленность и социальный смысл его концепции. С другой стороны, имевшие место в нашей литературе общие оценки классовой направленности построений австрийского ученого не подкреплялись критическим анализом его методики конкретно-исторического исследования.

А. И. Данилов был первым, кто органически соединил критику общеметодологических позиций А. Допша и его источниковедческих приемов, подчеркнув решающее влияние первых на последние. Историческая концепция А. Допша рассматривалась им как прямое порождение кризиса буржуазной идеологии периода империализма с ее отрицанием исторических закономерностей и безбрежным скептицизмом. А. И. Данилов постулировал прямую зависимость между попытками Допша дискредитировать значение таких источников, как «Капитулярий о поместьях», и модным в буржуазной философии скептицизмом, служившим своеобразной теоретической основой подхода к историческим источникам.

А. И. Данилов обоснованно трактует «Капитулярий о поместьях» как один из важнейших памятников, раскрывающих процесс феодализации раннесредневекового общества. При этом существенно важен его вывод, что этот документ не только отражал уже достигнутую степень феодализации, но и всем своим содержанием содействовал дальнейшему ее ускорению, являясь выражением политики короля — феодального собственника, направленной на укрепление его владений. «Капитулярий...» служил орудием в классовой борьбе раннего средневековья, способствуя завершению закрепощения крестьянства, усилению феодальной эксплуатации и подавлению сопротивления феодально-зависимых крестьян. Так, критика буржуазной интерпретации «Капитулярия...», органически увязанная с конструктивным исследованием его проблематики, приобретала особенно убедительный характер.

К допшианской концепции генезиса феодализма А. И. Данилов специально возвращается еще один раз — в статье «К критике допшианской концепции раннесредневековой вотчины» (1957). Тематически примыкая к только что рассмотренной работе, она характеризовалась значительно более широкой базой источников, на которой велась полемика с А. Допшем.

[18] *Грацианский Н. П.* Traditiones Каролингской эпохи в освещении Допша.— В кн.: Грацианский Н. П. Из социально-экономической истории западно-европейского средневековья. М., 1960 (1-е изд.: 1926); *Черепнин Л. В.* К вопросу о составе и происхождении «Capitulare de villis».— Изв. АН СССР. Сер. VII, Отд-ние обществ. наук, 1934, № 5.

Этой статьей в советской историографии была завершена систематическая критика допшианства. Усилиями советских ученых была убедительно показана как подлинная идейно-социальная направленность построений Допша, так и научная необоснованность ряда его конкретно-исторических выводов, препятствующих всесторонне объективному отражению исторической действительности. В ряду этих работ прочное место занимает большая статья А. И. Данилова.

Кульминационным пунктом органического сочетания историографических и конкретно-исторических исследований стала в творчестве А. И. Данилова монография «Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии конца XIX — начала XX в.», защищенная им в качестве докторской диссертации (1958). В ней этот новый подход к историографическому материалу был осмыслен с теоретико-методологических позиций; впервые в марксистской историографии было серьезно проанализировано развитие немецкой медиевистики конца XIX — начала XX в. во всей его конкретности, дана серьезная и обоснованная научная критика трудов наиболее значительных представителей немецкой исторической науки того времени, выделены наиболее важные ее направления. Хотя со времени выхода в свет этой книги прошло уже более 20 лет, она в полной мере сохраняет свое научное значение. Многочисленные ныне исследователи истории немецкой исторической науки неизменно отправляются от нее в своих работах, в том числе и посвященных современному состоянию этой науки, ибо значение книги А. И. Данилова выходит далеко за рамки ее конкретной проблематики.

Александр Иванович одним из первых в нашей историографии теоретически и практически показал здесь сложность и многогранность подлинно научного марксистско-ленинского историографического исследования. Он считал необходимым прежде всего установить классовую и партийно-политичекую ориентацию того или иного историка или целого направления, влияние на них социально-политических идей эпохи, место, которое историческая наука занимает в борьбе этих идей. Но он настойчиво подчеркивал, что задачи историка исторической науки этим не исчерпываются: необходимо исследовать также теоретико-методологические основы каждого направления исторической мысли, установить его связь с предшествующими и последующими этапами развития исторической науки и проанализировать исследовательские методы историка или школы, особенности отбора и истолкования ими исторических источников. Только рассмотрев все указанные аспекты развития исторической мысли, историк имеет право на критическую оценку трудов отдельных историков или направлений, претендующую на научную объективность. Все эти положения, затем неоднократно повторявшиеся в нашей историографи-

ческой литературе, теперь представляются нам аксиомами. Однако нельзя не напомнить в этой связи, что тогда, в 1958 г., они прозвучали как один из первых призывов к серьезному изучению историографических проблем, который был тем более убедителен, что был реализован на практике самим автором книги.

Опираясь на эти теоретические положения, Александр Иванович не только дал яркую характеристику классовых и идейно-методологических основ немецкой буржуазной медиевистики конца XIX — начала XX в., но и показал ее эволюцию от позитивизма и ранкеанства к неокантианству, очень тонко вскрыв социально-политические и гносеологические корни начавшегося общего кризиса буржуазной историографии и возникновения так называемого «критического направления». Наблюдения ученого оказались весьма ценными в применении не только к немецкой, но и к буржуазной историографии рассматриваемого периода в целом [19]. И в этом, теоретико-методологическом, плане книга А. И. Данилова также прочно вошла в фонд советской марксистской историографической литературы: по ней учатся студенты и аспиранты, от нее отправляются молодые ученые в поисках правильного марксистского пути в сложных историографических исследованиях.

Уделяя особенно большое внимание принципам подхода к буржуазной историографии, А. И. Данилов в равной мере был далек и от объективистского подхода к ее освещению, и от огульного отрицания всех полученных ею результатов. Основополагающими в его оценках являлись известные ленинские положения о принципах подхода к наследию прошлого, которые предусматривали как четкое определение классовых позиций рассматриваемых авторов, отражающихся в их общеметодологических взглядах, так и выяснение и использование конкретных результатов их исследовательской практики, нацело этими позициями не определяемых [20].

В статье «К вопросу о критике буржуазной историографии в произведениях В. И. Ленина» (1960) он тщательно проанализировал и суммировал эти важные для каждого историка исторической науки принципы, показав при этом сложность и неоднозначность ленинских оценок буржуазной исторической литературы.

Руководствуясь ленинскими положениями, А. И. Данилов раскрывает содержание принципа коммунистической партийности в историческом исследовании. Подчеркивая, что «марксистско-ленинское изучение развития исторической науки по самому существу своему является исследованием, осуществляемым с позиций коммунистической партийности», он указывает на условия,

[19] См. рецензии Е. В. Гутновой, С. Д. Сказкина и М. А. Барга.
[20] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 18, с. 363—364.

обеспечивающие научную эффективность применения этого принципа в историографии: этой цели было посвящено все введение к монографии, где в сжатом, но чрезвычайно емком виде формулировались задачи марксистско-ленинского изучения истории исторической науки.

А. И. Данилов одинаково отвергал как сведение историографии к истории «чистого исторического знания», так и ограничение ее сферой истории мировоззрений или политических идей различных классов. «При всей своей сложности и многогранности,— писал он,— объект историографического исследования обладает и определенным внутренним единством: это — сама развивающаяся историческая наука, рассматриваемая в органической связи с историей общества, в условиях которого она существует, это — те движущие силы, которые определяют развитие исторического знания» [21].

Ряд интересных исследований посвятил Александр Иванович немецкой буржуазной историографии XX в. Таковы статьи «Немецкие буржуазные историки „либерального направления" во время первой мировой войны и революции 1918—1919 годов» (1958), «Теоретико-методологические проблемы исторической науки в буржуазной историографии ФРГ» (1959), «Фридрих Мейнеке и немецкий буржуазный историзм» (1962) и последняя его статья — «Проблема континуитета в историографии ФРГ». И в этой проблематике Александр Иванович выступил как пионер в то время, когда она еще не привлекала особого внимания историографов. Теперь на эту тему написано множество работ. Но именно он одним из первых обратил внимание на те попытки перестройки методологии старого немецкого историзма с целью укрепить позиции в борьбе с марксистским пониманием истории, которые начались, как он показал, еще в ходе и после первой мировой войны, но приобрели особенно острый характер после разгрома фашизма.

В этих статьях с большой глубиной и тонкостью показан острый кризис, переживаемый буржуазной исторической наукой ФРГ в связи с крушением многих, долгие годы воспитывавшихся ею самой политических иллюзий и предрассудков. Вместе с тем в них ярко показана фатальная обреченность этих методологических исканий даже у наиболее прогрессивных западногерманских историков, как бы замкнутых в порочном круге антимарксистских тенденций, которые неизменно возвращают их к традициям идеалистического историзма или субъективизма и релятивизма в истории.

Немецкая буржуазная историография оставалась объектом пристального внимания А. И. Данилова до конца его жизни. Ему принадлежит основательное исследование политического облика

[21] Проблемы аграрной истории..., с. 9, 5.

ведущих немецких буржуазных историков-либералов в годы первой мировой войны и Ноябрьской революции, а также систематический анализ идейно-теоретических и общеисторических взглядов крупнейшего представителя немецкой буржуазной историографии конца XIX — первой половины XX в. Ф. Мейнеке. Эти работы свидетельствовали о быстро увеличивавшемся диапазоне историографических интересов ученого, обращавшегося от изучения немецкой медиевистики к освещению общих закономерностей развития немецкой буржуазной исторической мысли XX в.

Особое значение здесь имеет статья о Ф. Мейнеке, в которой на примере анализа его творчества была сделана удачная попытка проследить судьбы немецкого идеалистического историзма, являвшегося одним из влиятельнейших течений буржуазной исторической мысли второй половины XIX — первой половины XX в. А. И. Данилову принадлежит первое в советской литературе развернутое определение этого течения, существенное содержание которого усматривалось в обобщении «основных положений, характерных для ранкеанской и неоранкеанской школ немецкой историографии, с одной стороны, неокантианской теории исторического познания Риккерта—Вебера и иррационалистической „философии жизни“ Дильтея — с другой» [22].

Хотя это определение и не являлось всеобъемлющим (в нем, в частности, отсутствует указание на влиятельную в немецкой историографии второй половины XIX в. малогерманскую школу), тем не менее оно намечало единственно правильный путь осмысления феномена немецкого идеалистического историзма как закономерного продукта совокупного развития буржуазной философско-исторической мысли и историографической практики. Его плодотворность заключалась в попытке целостного охвата проблемы, открывавшей возможность ее всестороннего изучения в неразрывной связи ее идейно-теоретического и конкретно-исторического аспектов. Это был путь осмысления немецкого идеалистического историзма в его развитии, обусловливаемом конкретной практикой исторического исследования и в первую очередь общими закономерностями развития самого общества.

Применительно к этой эволюции в первой половине XX в. в статье формулировалось положение о возникновении неоидеалистического историзма, характерные черты которого и рассматривались на достаточно репрезентативном материале творчества Ф. Мейнеке. На этом примере А. И. Данилов убедительно показал не только несостоятельность попыток преодоления кризиса буржуазного историзма, но и его дальнейшее углубление. В частности, представляет интерес его вывод, что в обстановке надвигавшихся в начале века на Германию социально-политических потрясений «деятели неоидеалистического историзма неизбежно

[22] Фридрих Мейнеке и немецкий буржуазный историзм (1962), с. 58.

становились на путь фактического отказа от самого принципа историзма, так как применение этого принципа даже в его идеалистической форме становилось все более и более несовместимым с выполнением буржуазной историографией ее социальных задач»[23]. Указывая далее на релятивистское истолкование и в онтологическом, и в гносеологическом плане этими деятелями самого принципа историзма, А. И. Данилов подчеркнул его превращение в синоним релятивизма, ставившего под сомнение самое существование истории как науки.

Исследование творческого пути Ф. Мейнеке далеко вышло по своему значению за узкие биографические рамки. В нем А. И. Данилов сумел раскрыть определяющие тенденции в развитии немецкого неоидеалистического историзма и тем самым сделать вклад в осмысление его современного состояния.

Это последнее всегда вызывало его стойкий научный интерес. В ряде статей он тщательно проанализировал различные аспекты современного этапа в развитии западногерманской буржуазной историографии. На обширном историографическом материале было обосновано положение о глубоком кризисе теоретико-методологических основ буржуазной исторической науки, рассмотрены его конкретные проявления, в частности в изучении истории средних веков[24].

В числе историографических статей обращает на себя внимание последняя, опубликованная посмертно (А. И. Данилов успел прочесть и подписать в печать корректуру); в ней на примере решения проблемы континуитета в немецкой историографии рассматривается современное состояние западногерманской буржуазной исторической мысли. Несомненной заслугой А. И. Данилова явилось выдвижение и обоснование положения о двух ведущих направлениях в буржуазной историографии ФРГ, определяемых в статье как «социально-структурное» и как направление «неоисторизма». Характеризуя трактовку проблемы континуитета представителями обоих направлений на общем фоне идейно-теоретических исканий буржуазной исторической мысли, он вносит существенный вклад в марксистское осмысление эволюции современной буржуазной историографии.

Это выражается, в частности, в предостережении против однозначного подхода к оценке этих исканий. Так, А. И. Данилов

[23] Там же, с. 62.

[24] Таковы статьи: Современное состояние немецкой буржуазной историографии раннего средневековья (1954); Экономика раннего средневековья в трактовке современной немецкой буржуазной историографии (1955); Теоретико-методологические проблемы исторической науки в буржуазной историографии ФРГ (1959); О новой теории социальной структуры раннего средневековья в буржуазной медиевистике ФРГ (в соавт. с А. И. Неусыхиным, 1960); Заметки о современной западноевропейской медиевистике. ФРГ (1960).

указывает на позитивные результаты, полученные представителями социально-структурного направления в дискуссии о континуитете, связанные главным образом с обоснованием ими несостоятельности попыток изолировать германский фашизм от предшествовавшей истории и трактовать его в виде некоей трагической случайности. Важное методологическое значение имеет поставленный автором вопрос, «в какой мере сторонникам социально-структурного направления доступно преодоление „кризиса основ" буржуазной историографии, насколько им удается расширить рамки познания исторической действительности, оставаясь в главном на позициях буржуазного мировоззрения и используя результаты своего познания в интересах буржуазной идеологии» [25]. В статье не содержится определенного ответа на этот вопрос. Но это лишь подчеркивает его значение, предупреждает от всяких шаблонов в подходе к оценке современного состояния буржуазной исторической мысли.

Все названные статьи представляют собой фрагменты большой обобщающей книги по истории немецкой буржуазной исторической науки в XX в., материал для которой Александр Иванович собирал долгие годы. Можно только горько пожалеть, что книга эта осталась ненаписанной.

Александр Иванович внес свой вклад и в историю русской и советской медиевистики. В начале 50-х годов им были написаны статьи о научном наследии Н. Г. Чернышевского в области истории и о Т. Н. Грановском как историке социальной истории раннего средневековья. Эти небольшие работы привлекли внимание советских медиевистов к историческим взглядам ряда прогрессивных русских ученых и общественных деятелей. Несколько позднее им была написана статья об идейно-методологических взглядах Д. М. Петрушевского (1955), выдержанная, пожалуй, в излишне резком тоне, но вместе с тем на большом фактическом материале показавшая неоправданность трактовки Д. М. Петрушевского как историка, близкого к марксизму, трактовки которая в те годы иногда выдвигалась в нашей историографической литературе.

Перу Александра Ивановича принадлежат также два весьма обстоятельных обзора по истории советской медиевистики: «Сорок лет советской медиевистики и ее очередные задачи» (1957, в соавторстве с А. Н. Чистозвоновым) и «Аграрная история западноевропейского средневековья в трудах советских медиевистов» (1960). Во втором обзоре были намечены некоторые контуры основных направлений развития советской медиевистики в этой области. Возвращаясь к периоду конца 40-х—50-х годов, нужно отметить, что эти годы стали значительной вехой в марксистском изучении истории отечественной науки. Оно при-

[25] Проблема континуитета в историографии ФРГ, с. 81.

обрело невиданные ранее размах и общественную актуальность и в конечном итоге в большой мере способствовало воссозданию адекватной картины прошлого русской исторической мысли.

Определенный вклад в создание этой картины внесли статьи А. И. Данилова. Рожденные своим временем, они, естественно, несли на себе его печать. Сегодняшний читатель едва ли согласится со всеми оценками, содержащимися в этих статьях, ему покажутся излишне категоричными иные положения и выводы. Но это не может изменить главного впечатления — первыми же своими историографическими работами А. И. Данилов смело обращался к самой социально актуальной в то время проблематике.

Поднимавшиеся проблемы имели существенное значение для марксистского осмысления истории отечественной медиевистики, а предлагавшиеся решения свидетельствовали о появлении в советской науке талантливого исследователя, способного к широким научным обобщениям, представлявшим общеисторический интерес.

А. И. Данилов сделал много и в области научной оценки творческого наследия отдельных крупных советских историков-медиевистов старшего поколения. В соавторстве с А. И. Неусыхиным он написал обширную статью «Н. П. Грацианский как историк-медиевист» в посмертном издании сборника статей Н. П. Грацианского (1960): здесь впервые дана серьезная научная характеристика и оценка творчества этого крупного ученого. Позднее, после кончины своего учителя А. И. Неусыхина, Александр Иванович написал статью «А. И. Неусыхин — историк-медиевист, ученый и педагог» (1969), положившую начало изучению сложного и яркого пути этого крупного ученого в истории советской медиевистики.

Многочисленные рецензии А. И. Данилова на книги его коллег — историков средних веков и специалистов в области историографии отличают те же черты особого научного почерка этого ученого, которые характерны для всех его историографических работ.

Помимо общих методологических принципов подхода к анализируемым концепциям, которым Александр Иванович всегда оставался верен, все его историографические работы характеризуются исключительной фундаментальностью и глубокой обоснованностью всех посылок и выводов. Он обладал редким умением точно и всесторонне изложить социально-политические, методологические и исторические воззрения изучаемых им историков, избегая использования отдельно вырванных из контекста цитат и положений. Только после такого полного и обстоятельного анализа он считал возможным давать их критику с марксистских позиций. Как и во всем, в этом вопросе он был непримиримым врагом верхоглядства и непродуманных, броских суждений. Свою критику буржуазных ученых, особенно там, где речь шла об ис-

ториках средневековья, он, как правило, вел, вскрывая их методические приемы, показывая неточность или предвзятость в трактовке источников. Будучи не только историографом, но и историком-медиевистом, прекрасным знатоком средневековых источников, Александр Иванович мог всегда противопоставить той или иной трактовке свою, и притом достаточно обоснованную.

Эти свойства придавали особую убедительность его критическим выводам и наблюдениям. Убежденный историк-марксист, всегда страстно отстаивавший свои методологические позиции, он тонко чувствовал фальшь любой маскировки под марксизм в буржуазной историографии и был ее суровым и порой даже резким критиком. Его историографический анализ был всегда обстоятелен, глубок и обоснован, а поэтому всегда бил прямо в цель, обнаруживая самые слабые места тех, кого он критиковал. Однако это никогда не мешало ему с высокой объективностью оценивать и положительные выводы и наблюдения критикуемых историков.

Так, разбирая вопрос о сторонниках и противниках марковой теории, он пишет: «...нельзя было нигилистически отнестись ко всем специальным изысканиям и наблюдениям, сделанным реакционными медиевистами,— необходимо было точно установить, где эти историки... искажали материалы источников, а где они убедительно опровергали интерпретацию того или иного факта сторонниками марковой теории, где выявляли новые факты, но давали им неверное освещение...» [26].

Важным этапом в научной и научно-педагогической деятельности А. И. Данилова явились годы его работы в Томском университете (1947—1954, 1961—1967). Здесь происходило его становление как ученого — основателя школы, видного общественного деятеля, талантливого педагога и воспитателя студенческой молодежи.

С первых же лет научно-педагогической работы А. И. Данилова в Томске ярко проявляется широта его исторического мышления, сочетавшаяся с глубоким убеждением в выдающейся социальной значимости исторической науки. Заметным явлением в жизни университета конца 40-х — начала 50-х годов стали его лекции по истории средних веков и, позже, новой истории. Пронизанные строгой логикой изложения, они раскрывали на конкретном историческом материале существенные закономерности общественного развития, учили студентов истории в самом высоком значении этого слова.

Для А. И. Данилова история всегда являлась одной из важнейших социальных наук, активно вторгающейся в жизнь общества, призванной удовлетворять своими специфическими средствами его настоятельные запросы. Это убеждение, составлявшее

[26] СВ, 1969, вып. 32, с. 8.

лейтмотив его педагогической деятельности, ярко проявилось и в исследовательской практике ученого. В одной из ранних работ, посвященной замечательному русскому историку-просветителю Т. Н. Грановскому, он с нескрываемым сочувствием цитировал его высказывания о значении истории как наиболее важной для общества науки, «призывающей к себе всех и каждого», назначением которой является «возбуждение к практической деятельности» [27]. Едва ли может быть сомнение в том, что А. И. Данилов не только разделял эти мысли, но и последовательно стремился проводить их во всей своей деятельности.

Думается, что именно это стремление средствами своей науки активно вторгаться в жизнь обусловило направление эволюции научных интересов А. И. Данилова. Продолжая плодотворные занятия конкретной историей раннего средневековья, он уже в начале 50-х годов переходит к изучению историографии всеобщей истории, а с 60-х годов его преимущественное внимание стали привлекать методологические проблемы исторической науки.

Эту эволюцию, конечно, не следует понимать упрощенно. Каждый новый ее этап отнюдь не означал простого отрицания предыдущего. Пройдя школу А. И. Неусыхина, А. И. Данилов навсегда сохранил интерес к социальной истории раннего средневековья. Оставаясь до последних дней жизни заведующим кафедрой истории средних веков Московского университета и ответственным редактором сборника «Средние века», принимая активное участие в создании университетского учебника по истории средних веков, А. И. Данилов продолжал вносить весомый вклад в развитие советской медиевистики, даже перестав заниматься конкретно-историческими исследованиями.

Особое значение получило его пристальное внимание к идейно-теоретическим основам историографического процесса, обусловившее обращение А. И. Данилова к специальному изучению методологических проблем исторической науки. С начала 60-х годов методология истории становится предметом возрастающего научного интереса, а сам он быстро делается одним из ведущих специалистов в этой области. Его труды приобрели широкий научный резонанс, стали заметным событием в развитии историко-методологических исследований в нашей стране.

Важное значение в этом отношении имело его известное письмо в редакцию журнала «Вопросы истории», где впервые в советской послевоенной историографии было указано на настоятельную необходимость систематической марксистской разработки коренных проблем методологии истории [28]. Сформулированные в этом письме исследовательские задачи — изучение своеоб-

[27] Т. Н. Грановский и некоторые вопросы социальной истории...
[28] О некоторых вопросах дальнейшего изучения теоретико-методологических проблем исторической науки (1961).

разия процесса отражения действительности в исторической науке и его соотношения с другими формами общественного познания, выяснение природы исторических понятий и специфики их образования, выяснение диалектики общего, единичного и особенного в историческом познании и т. д.— определили в совокупности ведущую проблематику историко-методологических исследований в советской литературе.

Значительный вклад в решение этих задач внесли труды самого А. И. Данилова, в которых особенно ярко проявились всегда присущие ему партийная страстность и бескомпромиссность в отстаивании принципиальных положений марксистско-ленинской теории. Он много сделал для ее творческого применения к пониманию природы исторической науки и ее познавательных возможностей. Особенно большой интерес в этом отношении представляла его статья, раскрывшая значение марксистско-ленинской теории отражения для исторического познания и убедительно обосновавшая в полемике с релятивистами возможность и предпосылки получения объективно-истинного знания о прошлом [29]. Предметом обстоятельного анализа ученого стала ленинская критика буржуазного объективизма, являющаяся важной методологической основой освещения буржуазной историографии в советской науке [30].

Исследования А. И. Данилова творчески развивали марксистско-ленинскую методологию истории, открывали новые аспекты в освоении теоретического наследия основоположников марксизма-ленинизма, обогащавшие познавательные возможности исторической науки. Обладая в высокой степени чувством нового и актуального в науке, он вместе с тем решительно выступал против мнимой новизны и сенсационности, погони за модой в науке.

Твердый отпор у А. И. Данилова вызывали любые попытки, под каким бы флагом они не предпринимались, отойти от основополагающих принципов материалистического понимания истории в истолковании социального процесса и самой природы исторического познания.

В равной мере свободный и от всяких догматических шор, и от любых новомодных шараханий, А. И. Данилов последовательно отстаивал положение о специфике исторического познания, отличающей его от познания естественнонаучного. Он подчеркивал объективный характер этого различия, которое не может быть снято усвоением историками понятийного аппарата естественных наук и овладением их методологией. Не может быть в сколько-нибудь значительной степени достигнута и формализация исторического знания. Имея дело с многообразными проявлениями исторической деятельности человека, наша наука по

[29] Марксистско-ленинская теория отражения и историческая наука (1963).
[30] К вопросу о критике буржуазной историографии в произведениях В. И. Ленина (1960).

самой природе своей конкретна. Общие закономерности социального развития получают на ее страницах конкретное воплощение, запечатлеваясь в виде событий, образующих живую ткань исторического процесса.

В этом отношении принципиальное значение имеет последняя работа А. И. Данилова, опубликованная при его жизни — «Историческое событие и историческая наука»: в ней он подверг критике модные на Западе попытки «квантификации» истории и вскрыл их подлинный смысл. Указывая на необходимость исследования всей совокупности исторических событий, он обратил специальное внимание на эти последние как на важнейшую категорию исторической науки, в рамках которой реализуются открытые марксизмом-ленинизмом законы истории.

С историографическими и методологическими исследованиями А. И. Данилова была тесно связана его научно-педагогическая деятельность, расцвет которой падает на годы его работы в Томском университете. Именно здесь он начинает систематическое преподавание историографии всеобщей истории и методологии истории. Уже вскоре после приезда в Томск он стал читать ряд спецкурсов и вести спецсеминары по историографии западноевропейского средневековья, продолжив их в Казанском университете, а затем снова в Томске.

Особенно широкий размах и плодотворный характер его педагогическая деятельность приобрела в 60-е годы. Впервые в практике университетского преподавания в стране А. И. Данилов стал читать развернутый курс лекций по методологии истории, в котором получили систематическое освещение такие проблемы, как принцип историзма, партийность и объективность исторического познания, историческое понятие и историческая действительность, исторический факт и исторический источник, исторический опыт и современность. Один из его спецкурсов назывался «Введение в методологию истории». Он состоял более чем из 15 лекций и включал такие большие темы: I. Предмет и задачи методологии исторического исследования; II. История как наука; III. Историческое познание; IV. Объективность и партийность в историческом исследовании; V. Принцип историзма; VI. Исторический факт и исторический источник. В этих лекциях речь шла о значительных теоретических проблемах исторической науки, а их изложение основывалось на обширном материале из истории исторической науки, собранном им в процессе собственных исследований и систематического чтения курсов по общей историографии. Историография здесь являлась основой для выдвижения теоретических проблем. В первой лекции спецкурса он подчеркивал, что свои проблемы методология истории ставит и решает на материале истории исторического познания. Методологические проблемы возникают не из отвлеченных размышлений, а из исследовательской практики историка. Методология тесно

связана с практикой исторического познания и с историографией.

Эти курсы разносторонне раскрывали перед студентами марксистско-ленинское понимание природы исторической науки и ее места в обществе. Они были пронизаны твердой убежденностью лектора в неразрывной связи научности исторического познания и его социальной значимости, в том, что именно возможность объективного познания исторической действительности обусловливает значение истории в системе философии марксизма-ленинизма, возможность эффективного использования исторического опыта в практически-политической деятельности.

В эти же годы А. И. Данилов приступает к чтению лекций по историографии всеобщей истории. Это был оригинальный, глубоко новаторский по замыслу и исполнению курс. По сути своей он представлял опыт воссоздания широкой картины развития европейской исторической мысли, начиная с античности и кончая кризисом буржуазного историзма. В рамках лекционного курса такой замысел мог удачно реализоваться, естественно, только в форме крупномасштабного изложения — в плане освещения общих закономерностей развития исторической мысли.

Эти закономерности рассматривались А. И. Даниловым в свете диалектики взаимосвязи истории и современности. Развитие европейской исторической мысли выступало в курсе как закономерный продукт такой взаимосвязи. Наряду с этим в лекциях прослеживался прогресс исторического познания, обнаруживавшийся в расширении объекта исследования, накоплении исторических знаний, а также в совершенствовании приемов научной критики исторических источников, как и методики исторического анализа в целом. На базе наиболее значительных исторических концепций прошлого А. И. Данилов раскрывал перед своими слушателями сложный и противоречивый процесс познания, включавший в себя преодоление отживших взглядов и использование объективно-истинных результатов, полученных в рамках предшествовавших направлений и школ.

Идеи, положенные в основу этого курса, получили дальнейшее развитие в параллельно проводившихся А. И. Даниловым спецсеминарах по историографии всеобщей истории, в рамках которых и шло формирование его школы. Блестящие лекции А. И. Данилова, властное обаяние его яркой личности неизменно привлекали к нему студенческую молодежь. Первые ученики появляются у него сразу же после приезда в Томск. Но особенно их число возрастает в 60-е годы, когда А. И. Данилов создает стройную систему подготовки научно-педагогических кадров в области историографии всеобщей истории.

Работа А. И. Данилова со своими учениками основывалась на убеждении в их способности самостоятельно решать серьезные научные задачи. Оригинальный исследователь, прокладывавший новые пути в науке, он и учеников ориентировал на изу-

чение малоисследованных в советской историографии актуальных проблем, решение которых действительно могло обогатить марксистское понимание историографического процесса в его существенных проявлениях. Под его руководством осуществлялось изучение идейно-теоретических основ буржуазной исторической мысли XIX—XX вв., а также методологических проблем исторической науки. Результаты этого изучения позволяют говорить о томской историографической школе, создание которой явилось важнейшим итогом томского периода научно-педагогической деятельности А. И. Данилова [31].

Александр Иванович сумел в значительной мере передать этот стиль историографического исследования своим многочисленным ученикам — питомцам «томской школы» историографов. Принадлежность к «томской школе» и сейчас считается в нашей историографической науке критерием высокой оценки историографа, его профессионального уровня и мастерства.

Применительно к А. И. Данилову представляется возможным говорить о школе его учеников, ибо для них характерна известная общность проблематики и исследовательских принципов: тесная связь историографических и методологических исследований, выявление ведущих тенденций и закономерностей в развитии буржуазного историзма на базе исследования его идейно-теоретических основ и их эволюции, изучение на широком историографическом материале специфики исторического познания.

Своеобразным органом школы стал сборник «Методологические и историографические вопросы исторической науки» [32], основателем и бессменным редактором которого был А. И. Данилов. Опубликованные в нем статьи, как и другие работы учеников А. И. Данилова, в совокупности дают наглядное представление о реализации научных идей учителя в их исследовательской практике. Тем самым они свидетельствуют и о результативности его научно-педагогической деятельности. Материализованная в этих работах, она вызвала к жизни целое направление, разрабатывающее актуальные проблемы историографии всеобщей истории и методологии истории.

Тесных связей Александра Ивановича Данилова со своими учениками не порывало ни время, ни расстояние. Они всегда чувствовали на себе его требовательное и придирчивое внимание, его постоянную поддержку. Его педагогическая деятельность, начавшаяся еще в годы аспирантуры и продолжавшаяся до конца дней, его богатые содержанием и материалом для размышлений научные труды наложили яркую печать на развитие советской исторической науки, в особенности медиевистики.

[31] См. об этом подробнее: *Могильницкий Б. Г.* Томский университет как центр исторических исследований.— ВИ, 1980, № 12.
[32] Томск, 1963—1981. Вып. 1—14.